УДК 929

Е. Н. Швейковская

Александр Ильич Копанев (1915–1990): Служение истории

Несколько биографических штрихов

Александр Ильич Копанев родился 12 сентября 1915 г. в крестьянской семье дер. Малые Копани Слободского у. Вятской губ. и был старшим из семерых детей. После школы он в 1930–1934 гг. учился в Педагогическом техникуме г. Слободской, по окончании которого работал учителем в сельской школе и заочно учился в Педагогическом институте г. Вятки. В 1935 г. он перешел с заочного на третий курс очного отделения того же Педагогического института, уже Кировского, а затем также в 1935 г. перевелся в Ленинградский институт философии, лингвистики и истории. В 1936 г. ЛИФЛИ был преобразован в истфак Ленинградского государственного университета. Окончив в 1938 г. университет с отличием, А. И. получил рекомендацию в аспирантуру по кафедре отечественной истории, где под руководством И. И. Смирнова, известного специалиста по истории феодализма России, А. И. исследовал тему о землевладении Белозерского края в XV–XVI вв.[1] Свое кандидатское сочинение А. И. Копанев с успехом защитил 28 июня 1941 г., а уже 4 июля вступил в ряды народного ополчения. Вскоре (в конце сентября) в боях под Ропшей он попал в плен и из него был освобожден советскими войсками 1 мая 1945 г.

[1] *Копанев Г. И.* Из большой крестьянской семьи: (Воспоминания младшего брата) // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 67, 69, 71, 72, 82. В хозяйстве его родителей имелись: лошадь, 4 коровы, 3–4 овцы, около 1,5 десятка кур, ежегодно откармливали 1–2 свиньи (там же. С. 69).

Соответствующая проверка, проведенная в г. Росток, установила отсутствие состава преступления при пленении Копанева, и он был направлен в воинскую часть для прохождения службы. Демобилизовавшись из армии в октябре 1945 г., А. И. в ноябре того же года был принят на работу в ЛОИИ, сначала рабочим, а в феврале 1946 г. переведен в младшие научные сотрудники. Как участнику войны «ему была предоставлена 9-метровая комната», бывшая кладовка, в «большой коммунальной квартире»[2].

Однако в 1953 г. директор ЛОИИ М. П. Вяткин уволил Копанева с работы за принципиальное несогласие с тем, чтобы часть написанной Александром Ильичем главы о населении Петербурга для первого тома «Очерков истории Ленинграда» директор включил в свой раздел, причем без указания авторства А. И.[3] Семейный человек с двумя маленькими детьми, ученый остался без работы, через три месяца в конце 1953 г. был взят в штат БАН, где проработал 17 лет. После неоднократных настояний Н. Е. Носова, тогдашнего главы ЛОИИ, он вернулся в Институт в конце 1969 г. В 1974 г. успешно защитил докторскую диссертацию и проработал в Институте до своей кончины в 1990 г.

*****

Сфера научных интересов А. И. Копанева была очень широка. Это — государственное законодательство XVI–XVII вв. (комментирование), социально-экономические и демографические процессы того же времени, история Смуты начала XVII в.[4], рукописная и старопечатная книга. Главная же тема творчества ученого — история северного крестьянства, и в ее исследование он внес крупный вклад. А. И. сосредоточил внимание на черносошной категории крестьян России, она в XVI–XVII вв. не находилась под властью частных феодалов, не подвергалась личной крепостной зависимости.

В аграрных обществах крестьяне большей или меньшей составной частью входят в социальные категории, а на определенных исторических этапах превалируют среди них. Так было в России в эпоху феодализма, и в начале XX в. крестьяне еще преобладали в составе населения страны. Изучение крестьянства в отечественной историографии на протяжении длительной эпохи феодализма достаточно интенсивно развивалось в 1960–1980-х гг. в рамках социально-экономического направления. В центре внимания ученых находились доминантные признаки, присущие крестьянству как историко-социальному

[2] Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. С. 9, 73, 75–76.

[3] Там же. С. 10, 76, 105.

[4] См.: Судебники XVI–XVI вв. М.; Л. 1952. С. 415–562; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. М.; Л., 1987; Восстание И. И. Болотникова. Документы и материалы / Сост.: А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М., 1959. См. также: Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний.

типу; они следующие — производство на земле для удовлетворения своих потребительских нужд и выполнения обязательств по отношению к носителям политической и экономической власти, нахождение на низшей ступени социальной иерархии, семейное хозяйство двора, деревенская культура.

Стоит напомнить слова Б. Д. Грекова о недостатке и сложности региональных исследований, высказанные в связи с изучением крестьян. Их приводит Н. А. Горская в своей книге об ученом. Б. Д. Греков сетовал, что «почти нет возможности изучить каждый участок всей Русской земли. Поневоле приходится ориентироваться на наиболее развитые в общественном и культурном отношении области, наилучше освещенные источниками». Она выделяет 1970–1980-е гг. в развитии отечественной историографии второй половины XX в., на которые пришелся «расцвет как раз региональных аграрных исследований (и монографических, и обобщающих), осветивших историю многих участков Русской земли, прежде всего таких, как Северо-Запад и Русский Север, осваивавшаяся с XVI в. Сибирь, а также запад и юг Русского государства». Предпосылкой для многих из них, полагает она, «послужили труды Б. Д. Грекова и его организаторская деятельность». Н. А. Горская обращает внимание и на то, что «переосмысление ряда проблем аграрной истории в позднейшей историографии также началось с тех рубежей, на которые вышла мысль Б. Д. Грекова»[5].

С этим высказыванием Н. А. Горской вполне согласуется тот факт, что в 1938 г. Б. Д. Греков предложил И. И. Смирнову по его приходе в ЛОИИ заняться историей Белозерского края. Однако тема была далека от научного интереса Смирнова, и он препоручил ее своему аспиранту А. И. Копаневу[6]. Молодой ученый превосходно решил поставленные задачи. Первое большое исследование А. И. Копанева, как уже сказано, было посвящено истории землевладения Белозерского края XV–XVI вв., которое воплотилось в книгу в 1951 г.[7] Оно прочно вошло в отечественную науку, положило начало серии региональных исследований, и его не обходят вниманием при изучении подобных тем других областей России.

Два следующих крупных исследования А. И. Копанева, посвященные черносошным крестьянам, были опубликованы под несколько отличающимися названиями: «Крестьянство Русского Севера в XVI в.» (Л., 1978) и «Крестьяне Русского Севера в XVII в.» (Л., 1984), что вызвано формальными издательскими причинами того времени. Однако обе книги теснейшим образом связаны по своему содержанию и построению. И ученый считал вторую непосредственным тематическим продолжением первой монографии. Я воспринимаю их как два выпуска одной проблемной работы. Уместно привести слова московского

[5] *Горская Н. А.* Б. Д. Греков. М., 1999. С. 149–150.

[6] *Ивина Л. И.* Монография А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.» и ее историографическое значение // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. С. 15.

[7] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.

историка, А. А. Преображенского: «А.И. Копанев смело и успешно преодолел хронологический “барьер” предшествующей историографии, соединив в своих исследованиях XVI и XVII столетия (как известно, историки обычно специализировались по одному из этих веков, а то и по более узким периодам). Это обстоятельство значительно повысило весомость выводов и наблюдений автора. Непрерывность основных линий развития черносошной деревни Европейского Севера была доказана ученым достаточно убедительно»[8].

Примечательно, что в 1960–1970-х гг., когда ученый создавал свои труды, и появлялись региональные исследования, в зарубежной историко-социологической науке происходил историографический поворот. Он выразился в повышенном внимании к изучению крестьянства, этого «великого незнакомца» по выражению Теодора Шанина, и складывалась особая область научного знания — крестьяноведение. Такой интерес западной историографии был стимулирован потребностью интеграции крестьян в крупномасштабную экономику XX в. В применении к России проблема была связана с крестьянством второй половины XIX в. и представлена работами 1920-х гг. ученых-аграрников «организационно-производственной школы» — А. В. Чаянова, Н. П. Макарова, А. Н. Челинцева и их сподвижников[9].

Монографии А. И. Копанева, обширные разделы в томах Аграрной истории Северо-Запада России, в материалах Ежегодников симпозиума по аграрной истории (а он участвовал во многих сессиях) — это зрелые плоды, в них содержится отлившаяся во времени, твердая концепция, которой ученый был неизменно верен. Темы и вопросы, которые ставил и разрешал А. И. в своих книгах и тематически близких к ним статьях, предварявших выход книг, отвечают крупному масштабу крестьяноведческих штудий.

А. И. Копанев был великолепным знатоком источников. Он имел в своем распоряжении множество крестьянских поземельных актов и впервые в таком объеме (около 1800) ввел в их свои исследования. Ему принадлежит и первая обстоятельная дипломатическая характеристика документов, оформлявших поземельные сделки крестьян. Он проанализировал акты на передачу земли из рук в руки, исходя из существа их содержания. Вид совершавшейся сделки (купля-продажа, заклад, обмен, раздел и др.), ссылки, подтверждавшие право «собственности» одного из участников сделки (наследование, приобретение, труд), сам объект сделки он охарактеризовал наиболее подробно. Активная хозяйственная деятельность свободных, незакрепощенных крестьян вела к появлению поземельных актов, определяла их структуру и воздействовала на нее[10]. Изученные

[8] Александр Ильич Копанев: Сборник статей и воспоминаний. (Рецензия на книгу) // *Преображенский А. А.* Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 162–163.

[9] Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 8–20, 25, 29–37.

[10] *Копанев А. И.* Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. Вып. VI. Л., 1974. С. 160–161.

ученым разновидности актов вскрыли бытование широкого спектра поземельных отношений в черносошной деревне, показали «принципы землевладения, изменения в землепользовании, рост поземельного неравенства, мобилизацию крестьянских земель». Главное, клаузулы поземельных актов позволили ученому оценить сделочный акт как основание «собственности» «свободного крестьянства» на свои земли[11]. Ученый также заострил внимание на причинах отчуждения земли, ее цене, неподвижности сделки и уплате податей.

Большую ценность имеет утверждение А. И. Копанева о том, что земельные сделки заключались «в условиях устойчивых традиций и форм общественной жизни черносошного крестьянства — общины и самоуправления»[12]. Это его положение, так же как и мысль В. А. Александрова о перспективности крестьянских актов XVIII — начала XIX в. для изучения семейно-имущественных норм обычного права (особенно фиксировавших раздел имущества или завещаний) стали для меня стимулом изучения земельно-имущественных актов крестьян, чтобы выяснить действовавшие у них в XVII в. обычно-правовые нормы[13].

А. И. Копанев активно выявлял и публиковал источники, часто мало изученные, изображающие земельные отношения северных крестьян. Среди таких назову в первую очередь сотные из писцовых книг XVI в. При том, что не сохранились сами книги этого столетия, ученый видел в содержащихся в выписях из них особую ценность, так как они воспроизводят и в черной волости, и в монастыре размеры того или иного владения, количество угодий, свидетельствуют о хозяйственном состоянии дворохозяев и его изменениях. Он приготовил и опубликовал две сотные из книг И. П. Заболоцкого начала 1550-х гг. Одна из них, подлинная XVI в., относится к черносошному Емецкому стану Двинского уезда. Ее публикацию предваряет небольшая вводная статья, в которой ученый описывает структуру местного землевладения в новгородское время. Он вскрывает важные последствия ликвидации новгородского землевладения, которые привели к превращению земель Подвинья в великокняжеские, а крестьян в черносошные, к постепенной трансформации своеземческого землевладения в крестьянское[14]. Вторая сотная из писцовых книг XVI в. относится к вотчине Михайловского Архангельского монастыря, и она дошла в составе копийной книги XVIII в.[15] Совместно с А. А. Зиминым А. И. опубликовал документы конца XVI в. по истории Вымской и Вычегодской земли и среди них четыре сотных с писцовых книг 1585–1586 гг. на разные волости. Из сотных

[11] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 4, 7, 13, 15.

[12] *Копанев А. И.* Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. С. 161.

[13] *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. Гл. 2.

[14] *Копанев А. И.* К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 442–462. Текст сотной: С. 453–462.

[15] *Копанев А. И.* 1552–1554 гг. Сотная из книг письма И. П. Заболоцкого на вотчину Михайловского Архангельского монастыря // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда. 1972. С. 205–206.

виден состав населения этого региона, развитие земледелия, которое сочетается с охотой, размеры государственных повинностей, имущественное неравенство среди крестьян. Особая важность этих документов состоит еще и в том, что их данные не говорят о хозяйственном разорении, которое было свойственно другим областям государства в 80-х гг. XVI в.[16]

Не меньшее значение А. И. Копанев придавал платежницам, которые составлялись в московских приказах и фиксировали налоговый оклад того или иного платежного объекта, будь то черная волость или монастырское владение. Благодаря его усилиям увидела свет платежная книга Двинского уезда 1560 г. А. И. писал: «Ценность публикуемого документа состоит не только в том, что в нем отразились данные несохранившихся писцовых книг, но и в том, что эти данные относятся ко всей Двине. Описания И. Заболоцкого и В. Гагина были описаниями общего характера, т.е. в них описывалась вся территория уезда и все категории земель». Он также подчеркнул, что платежная книга служила действующим, практическим руководством для должностных лиц на Двине — старост и целовальников в сборе государственных налогов: посошных и оброчных платежей[17]. Ученый применил два способа публикации сведений этого источника — табличный и текстовой. Возможность использования таблицы он объяснил идентичностью данных по каждой из налогово-платежных единиц и повторяемостью формульных записей[18].

А. И. Копаневу было присуще стремление проникнуть во внутреннюю жизнь волости XVI–XVII вв. и понять основные механизмы самоуправления, раскладки и сбора налогов, действовавших в черносошных волостях. Он опубликовал документы XVI в. из архива Куростровской волости, расположенной под Холмогорами. Большая часть их — это «розрубы», т.е. приговоры волостных сходов о раскладке государственных налогов и разных платежей на мирские нужды. Наряду с ними представлены «выборы» — приговоры, принимаемые мирскими сходами при выборе волостных должностных лиц. Вкупе документы, считал ученый, показывают деятельность волостного схода, который был высшим органом земского самоуправления, передают социальную и поземельную стратификацию в волости, отношение правительственных учреждений к земским органам[19]. В тесной связи с разрубами находятся оценные книги. Они служили основанием для раскладки налогов и платежей по имущественной состоятельности — по «животам и промыслам» и составлялись специальными оценными

[16] *Зимин А. А., Копанев А. И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 432–486.

[17] *Копанев А. И.* Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 514–515.

[18] Там же. С. 517.

[19] *Копанев А. И.* Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР... Вып. 1. С. 398–399. Документы: С. 401–431.

комиссиями из крестьян. Такую книгу от 1630-х гг. по Кемской волости и опубликовал А. И. Копанев[20].

Важным пополнением корпуса источников по истории землевладения северных крестьян стала публикация веревной книги Паниловской волости Двинского уезда 1612 г., предпринятая ученым. Книгу ввела в науку в последней четверти XIX в. А. Я. Ефименко и напечатала из нее два отрывка[21]. А. И. Копанев счел необходимым опубликовать полный текст источника, так как он сложился в недрах черносошной волости. Он отметил, что подобные книги на Севере сохранились только по Подвинью, и их — считанные единицы, хотя документы XVI–XVII вв. содержат указания на систематическое их составление в черносошных волостях. Ученый емко написал: «Веревные книги — крестьянский документ, составленный по инициативе крестьян, самими крестьянами, для удовлетворения крестьянских потребностей. Веревные книги, фиксирующие земельные владения каждого двора, служили основанием для раскладки государственных налогов и других платежей между волощанами (когда разруб шел "по земле"). Так как земельные владения крестьян часто изменялись, то и вервление в волости производилось с известной регулярностью». Он также определил размер веревки как меры площади[22]. Главное, ученый твердо высказался о неверности теории долевой деревни А. Я. Ефименко. Подробнее все эти вопросы он разобрал в своих монографиях, о чем идет речь ниже.

Во всех источниковых публикациях А. И. Копанев показал непреходящую ценность документов, которые появились в результате хозяйственной и общественной деятельности крестьян. Глубокое проникновение ученого в столь разные источники погружает читателя его работ в самую толщу деревенской и волостной жизни черносошного Севера XVI–XVII вв.

Уже в монографии о землевладении Белозерского края XV–XVI вв. А. И. Копанев рассмотрел вопрос о сущности землевладения крестьян. Он высказал мнение о том, что черные крестьяне владели землей «на правах частной собственности», а основанием для этого были многие факты продажи, обмена, завещания крестьянами их земель монастырю[23].

Эту точку зрения он развил и обосновал в ряде статьей и названных выше монографиях о черносошных крестьянах в XVI–XVII вв. В томе работ ленинградских историков, специально посвященном вопросам крестьянского

[20] *Копанев А. И.* Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М; Л., 1966. С. 147–150, 186–198. См. также: *Копанев А. И.* Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964.

[21] *Ефименко А. Я.* Исследования о народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 212–217.

[22] *Копанев А. И.* Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР... Вып. III. Вологда, 1973. С. 380–387. Текст: С. 388–401.

[23] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. С. 190.

землевладения, положению и судьбам черной волости в Центре и на Севере России, А. И. Копанев охарактеризовал земельные отношения в Подвинье. Он определил ведущие признаки черносошного землевладения, а в качестве ключевого — «частную, ничем не ограниченную собственность крестьянина на его земли», на «свой надел, на свою деревню». Это обстоятельство обусловило «правовую основу для активного их обращения и связывало надел, частную собственность крестьянина, с землями и угодьями, которые находились в общем владении и распоряжении деревни, волости»[24]. Оброчные земли, которые наряду с тяглыми находились в хозяйствовании крестьян Подвинья, в условиях господства «крестьянской собственности» также «приобретали характер полной собственности их владельцев, которые распоряжались ими бесконтрольно: наследовали и продавали их, менялись ими, дарили и т.д.»[25] Именно факты распоряжения землей — разные сделки с нею — ученый ставил во главу угла при определении характера черных земель.

Такой же ракурс рассмотрения присутствует в монографиях А. И. Копанева о крестьянах Севера. В первой из них (1978 г.) один из разделов так и назван «Крестьянская собственность на землю». В нем он поддерживает положение Н. Е. Носова об альтернативном развитии России по некрепостническому пути. А. И. Копанев предельно четко формулировал: а) возможность существования в XVI в. при монополии феодалов на землю и крестьянской собственности раннебуржуазного свойства; б) невозможность отнесения государственных налогов к феодальной ренте и в) несовместимость понятия «государственный феодализм с условиями жизни черносошного крестьянства XVI в.»[26] Пожалуй, в монографии А. И. Копанев резче, чем в предшествовавших ей статьях, обозначил свою позицию относительно сущности землевладения черносошных крестьян и поддержал направление в историографии, связанное с ранним генезисом буржуазных отношений.

В своей второй книге (1984 г.) А. И. Копанев, сохраняя приверженность взгляду о начавшихся в XVI в. явлениях «предбуржуазного характера», ставит задачу изучения внутренней жизни северного крестьянства в XVII в. Он считает необходимым «вскрыть социально-экономическое развитие его (крестьянства. — *Е. Ш.*) за столетие». Главный посыл автор тот же, что и в первой книге, но выражен мягче, а именно: «Черносошный крестьянин по своей социальной природе принципиально отличен от частновладельческого крестьянина: он не закрепощен, он собственник своей земли, которая является основой его относительной свободы как мелкого производителя, ведущего личным трудом независимое индивидуальное хозяйство»[27]. Исходя из свободы распоряжения

[24] *Копанев А. И.* Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 117, 124–125, 136; См. также: *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 47–50.

[25] *Копанев А. И.* Крестьянское землевладение Подвинья... С. 105, 111.

[26] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 44–45, 69.

[27] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 4–7.

«как атрибута права собственности», А. И. Копанев и на материалах XVII в. делает заключение о «поземельной собственности черносошных крестьян»[28]. Ученый считает, что этому способствует относительная свобода и, главное, незакрепощенность черносошного крестьянина — собственника земли. Смягчает свою позицию ученый и по отношению к понятию «вотчина» в поземельной практике крестьян в XVI–XVII вв. В первой книге он определяет вотчину как «полную собственность» крестьян с неограниченным распоряжением, а во второй уже говорит о «крестьянском владении вотчиной с правом владельца распоряжаться ею без какого-либо контроля со стороны государства»[29].

Характеризуя крестьянское землевладение XVII в., А. И. Копанев писал, что «любой разряд земель», имевшихся в хозяйстве крестьян, «будь то личные наделы, земли, взятые на оброк, или общинные угодья — все они традиционно осознавались черносошными крестьянами как их собственность, которой они пользовались и распоряжались по своему усмотрению». Раздел о борьбе черносошных крестьян за землю он подытоживал: «Добиваясь своих попранных прав на землю, черносошные крестьяне каждый раз демонстрировали собственнические поземельные права и на отдельный надел, и на общинные земли»[30].

Следует согласиться с верностью утверждений А. И. Копанева о существовании собственнических воззрений крестьян на их земли, как и о процессе концентрации земли «в руках выделившихся из волостной общины крестьян-богатеев», о появлении малоземельных и безземельных крестьян, трудившихся «по найму в хозяйствах богатых крестьян». Однако квалификация черносошного крестьянина XVII в. «как собственника средств производства — земли, промысловых угодий», а также суждения о развитии в земледельческом хозяйстве «капиталистических форм эксплуатации» и вырастании «в крестьянстве... элементов капитализма»»[31] воспринимаются и звучат как прямолинейные.

Сейчас, по прошествии времени, учитывая дискуссионность изучаемой им проблемы, присущую историографии 1960–1970-х гг., необходимо подчеркнуть убежденность А. И. Копанева в своей концепции, в твердом следовании ей. Главное, что явствует из его трудов — это укрепившаяся точка зрения на то, что «черносошный крестьянин по своей социальной природе принципиально отличен от частновладельческого крестьянина», он лично не закрепощен, земля, на которой он хозяйствовал, была «основой его относительной свободы как мелкого производителя, ведущего личным трудом независимое индивидуальное хозяйство»[32].

Из работ А. И. Копанева, задолго до появления в отечественной историографии направления, изучающего повседневность, выпукло предстает северная

[28] Там же. С. 31.

[29] Там же. С. 18.

[30] Там же. С. 37, 56.

[31] Там же. С. 227.

[32] Там же. С. 7.

деревня. Ученый выявил ее характерную особенность, а именно — малодворность, хотя на протяжении двух веков деревни в Подвинье укрупнялись. В XVI в. они насчитывали в среднем около трех дворов, в 20-х гг. XVII в. — три-пять, а в 70–80-х гг. этого же столетия — четыре-шесть дворов[33]. Важно его наблюдение о том, что в старинных, давно заселенных уездах Двинском и Важском к середине XVI в. были хозяйственно освоены почти все годные для этого земли. Новые селения если появлялись, то на пустошах, возобновляя прежние очаги земледелия[34].

Ученый глубоко вник в поземельную структуру деревни. Он обратил пристальное внимание, и, пожалуй, впервые, на топографию деревенских полей. Она отражала постепенное приращение земельных угодий крестьянским трудом, демонстрировала лоскутность участков каждого владельца. Блестящее знание источников, живое восприятие их сведений позволило А. И. показать мозаичность, дробность кусков земли каждого из владельцев, чересполосность расположения мелких участков земли. Он установил их разбросанность в разных местах микроокруги, что было свойственно хозяйству каждого крестьянина. Число таких полос и клоков во владении двора достигало двух, а порой трех десятков. Показательно, что угодья однодворной деревни не представляли собой единого массива, а состояли также из отдельных участков и соседствовали с землями других деревень.

А. И. Копанев подчеркивал, что наиболее выразительно ландшафтно-топографическая разбросанность деревенских угодий проступает из веревных книг. В них крестьяне фиксировали скрупулезно вымеренные земельные «лоскуты» каждого двора в каждом из деревенских полей. Ученый по веревной книге Паниловской волости 1612 г., а о ее публикации я упоминала выше, а также по веревной книге Николо-Коскошинской вол. Емецкого стана 1678 г. проследил разномерность земельных полос и конов. Он выявил их сложное сочетание, проявлявшееся в обеспечении каждого из дворов землей и угодьями равного по плодородию качества. Ученый установил, что угодья 30 деревень Николо-Коскошинской волости располагались не только в двух-трех десятках мест, но даже в 50, а в одной деревне — в 103. Из веревной книги отчетливо видно проникновение владений одной деревни в хозяйственные комплексы соседней. Ученый также обнаружил, что в конце XVII в. земли деревни-однодворки состояли из 13 участков, гранича с землями других деревень[35]. В своих работах 1970–1980-х гг. А. И. Копанев показал реальную картину антропогенного воздействия на существовавшие в XVI–XVII вв.

[33] Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989. С. 44–45; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 118–119.

[34] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 144–145.

[35] *Копанев А. И.* 1) Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 128–135; 2) Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 99–102.

ландшафты, вплотную приблизившись к важности проблемы исторического ландшафта в целом и деревенского микроландшафта в частности[36].

В обеих монографиях А. И. Копанев уделил большое внимание взглядам А. Я. Ефименко, известной во второй половине XIX в. исследовательницы русского Севера. Он рассмотрел ее «задружную теорию» и «теорию долевой деревни»[37] и весьма критично отнесся к доводам исследовательницы о существовании с XIV по XVI в. семейных коммун, идентичных юго-славянской задруге, и соответствовавших им коллективных формах земельной собственности. Опираясь на поземельные документы — дельные между родственниками, отступные, вкладные (в монастырь), ученый со всей определенностью заявляет о появлении больших семей, трактуемых А. Я. Ефименко как задруга, в «результате затянувшегося раздела хозяйства межу братьями — и в XVI в., и позднее и даже в XIX в. Они естественно распадались на малые семьи, земельные владения дробились, отчуждались в другие руки». Ученый находил такие разросшиеся семьи случайным образованием. При характеристике же вопроса о населении двора и составе семьи на основе писцового материала он убедился в широком распространении малой семьи, которая была основной хозяйственной ячейкой[38]. Неудачным А. И считал истолкование А. Я. Ефименко термина «печище» в качестве самостоятельного этапа коллективного крестьянского землевладения, который перестал существовать с преобладанием малой семьи в XVII–XVIII вв. Ученый веско доказал, что печище обозначает деревню и ее угодья, а деревенское землевладение «строится не на коллективизме семейных коммун, а на совладении малых семей, составляющих деревню»[39].

Теорию долевого землевладения А. Я. Ефименко А. И. Копанев рассмотрел также в связи с характеристикой поземельной структуры северной деревни. Исследовательница полагала, что каждый из дворов деревни (он появлялся в результате разделов «родового» двора и земли) имел не реальные земельные участки, а обладал только правом на «известную долю» земельного комплекса деревни. Ученый обстоятельно показал, что не «идеальными» долями располагали крестьяне, а вполне реальными землями — лоскутами, польцами. Он твердо считал долевое деревенское землевладение «формой индивидуального подворного владения крестьян-соседей в деревне». Доля каждого двора в деревне состояла из большого числа полос и участков, лежащих между полосами и участками соседей. «Это явление присуще как черносошной, так и монастырской деревне»[40].

---

[36] В этой области появились интересные работы археологов: Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2003; Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1–3. М., 2004–2005.

[37] *Копанев А. И.* 1) Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 124–128; 2) Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 102–111.

[38] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 124–125, 120–122.

[39] Там же. С. 125–128.

[40] Там же. С. 137–139.

Особенно подробно теорию долевой деревни А. И. разобрал в монографии о крестьянах в XVII в., так как выводы А. Я. Ефименко воспроизводились в историографии и после выхода его книги о крестьянстве XVI в. Он привел исходные посылки исследовательницы, которыми она обосновала свою теорию. Согласно ей, землевладение в северных деревнях в своем развитии прошло три стадии: 1) коллективной собственности семейных коммун (задруг) в период новгородской власти на Двине; 2) долевое владение землей XVI–XVII вв., развившееся из разделения владений одного родового двора между членами некогда единого хозяйства; 3) подворно-участковое владение индивидуального характера XVIII в., которое появилось в результате разложения долевого владения под действием частной собственности. При долевом владении, доказывала А. Я. Ефименко, всякий участник семейного раздела получал не определенные участки земли, а лишь право на известную долю в каждом из участков. А. И. Копанев отдал должное стройности теории крестьянского землевладения, предложенной исследовательницей, которую занимал еще и вопрос о происхождении сельской общины. «Для своего времени выводы А. Я. Ефименко о происхождении поземельной общности деревни имели большое значение». Опираясь на источники — поземельные акты, данные писцовых книг, веревную книгу Паниловской волости, А. И. Копанев утвердился в следующем: «Итак, основным принципом организации земельного владения деревни является совладение составляющих деревню дворохозяев (малых семей в подавляющем числе случаев), имевших определенный надел. Следовательно, термин “подворно-участковое владение” вполне точно отражает существо деревенской поземельной организации в XVI и XVII вв., да и, как мы убедились, в XV в.» Далее, опровергая наблюдения А. Я. Ефименко, он писал, что при разделе земельных владений «одиноко стоящего двора» или двора в деревне каждый его участник получал совершенно определенную часть земли, а не идеальную ее долю. Подводя итог рассмотрению данного вопроса ученый заключил: «Поземельные отношения в северной деревне в XV, и XVI, и XVII вв. основываются на принципе подворно-участкового владения. Долевой деревни, как некоего длительного периода поземельных отношений, на Севере не было. Утверждая это, мы совсем не отрицаем существования в более ранние периоды и больших семей, и долевых на первых стадиях деревень»[41].

Изучая поземельное устройство северной деревни А. И. Копанев, естественно, не мог обойти вниманием вопроса о крестьянской общине. Изучая в свое время землевладение в Белозерье, он выделяет земли, находившиеся в частном владении волостных крестьян и общем, каковыми были сенокосы, выгоны, леса, рыбные ловли. «Волостной мир в лице старосты и “всех крестьян” смотрел прежде всего за тем, чтобы земли не выходили из состава волости и не попадали в руки монастыря». Крестьяне охраняли волостные границы и отстаивали земли при отводах и межевании, в спорных судебных делах с соседом-монастырем[42].

[41] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 103–104, 108, 111.

[42] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. С. 191–199.

Общине XVI в. в Подвинье историк посвятил специальные статьи[43], а в монографиях сосредоточился на сюжетах, тесно с ней связанных. Имеет смысл обратиться к статье 1973 г., так как в ней значительно скорректирована теоретическая посылка автора и расширен круг разбираемых вопросов. Исходя из реальности источниковой базы, позволяющей судить об общине лишь с XV в., ученый полагал, что отсутствует возможность установить генетическую связь общин, фиксируемых в документах, с теми территориальными общинами, которые проступают из летописей, из Русской правды. Он считал, что такой непосредственной связи на территориях России, «освоенных русским населением уже на стадии классового общества, вообще не существует», так как земли колонизовали не племенные или родовые союзы, как практиковали древние германцы, а иные сообщества. По его мнению, «необходимость коллективного действия при земледельческой крестьянской колонизации, диктуемая трудоемкостью процессов освоения новых земель, исключала или сводила к минимуму крестьянскую робинзонаду». Именно труд «хозяйственно-обусловленных коллективов» при освоении новых земель и формировал общинность, которая поддерживалась общественным трудом и коллективной ответственностью, а часть земель, освоенных сообща, поступала в обладание отдельных крестьянских семей. Всё это вкупе создавало «базу постоянно регенерирующейся общины, было основой живучести общинных традиций, пронизывающих в течение столетий сознание русского крестьянина и фиксированных в нормах обычного права». В русской общине XVI в. «лишь слабо угадывается ее архаический прототип»[44].

В рассматриваемой статье А. И. Копанев сосредоточился в основном на поземельно-хозяйственных отношениях в северной общине, которую он идентифицирует с фигурирующей в источниках волостью. В Подвинье, где позиции феодального землевладения были слабы, «крестьянская община доминирует и выступает здесь с большей ясностью, чем в центре Русского государства, где она отодвинута на задний план торжествующим феодалом»[45]. При характеристике волости как общины А. И. исходил из марксистского постулата о дуализме частного и коллективного начал в землевладении. Обрисовав территориальное пространство и величину волостей ученый, отметил, что хозяйствование каждой крестьянской семьи в них было индивидуальным, а его успешность зависела от согласованности с деятельностью соседних дворов как в деревне, так

[43] *Копанев А. И.* 1) Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952; 2) Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973. Первая статья посвящена выяснению принципов волостного обложения различными налоговыми сборами и основным типам их раскладки — имущественному «по животам и промыслам» и поземельному «по веревкам», выявлению имущественной дифференциации и господства богатой верхушки в волостном управлении.

[44] *Копанев А. И.* Крестьянская община в Подвинье в XVI в. С. 319–321.

[45] Там же. С. 321.

и в волости. «Частная собственность крестьян» на обрабатываемые пахотные и сенокосные земли сочеталась с общеволостным владением угодьями: пастбищными, лесными — с охотничьми путиками и перевесищами, рыболовными — с тонями и езами. Интересно замечание А. И. о «периферийном характере» общинных владений волости и имевшейся при этом «некоторой верховной власти над всеми землями, в том числе и над теми, которые были в частном владении у крестьян»[46]. Такая верховная власть проявлялась в отношении запустевших участков, при судебной защите массива волостной земли от разных посягательств, причем с предъявлением документов. В статье ученый вкратце остановился также на некоторых других вопросах, в том числе на функциях самоуправления. Более подробно они были показаны в обеих упоминаемых монографиях[47]. Волостной сход как орган управления с его главной, выборной функцией, обязанности выборного аппарата, проявлявшаяся на сходе социальная борьба занимали автора в книге о крестьянах в XVI в. Конкретная же история вятской Совьинской вол. — образование ее территории, внутренняя жизнь и взаимоотношения с местным управлением охарактеризованы в книге о крестьянах в XVII в. Показательны слова А. А. Преображенского об этом разделе книги: «Яркая картина жизни Совьевской оброчной волости Слободского уезда в 1674–1675 гг. мастерски нарисована А. И. Копаневым на основе расходных книг земского целовальника Тимофея Загребина»[48], тем более что публикатором упомянутого источника в свое время был как раз А. А. Преображенский.

Образ А. И. Копанева-ученого неотделим от его главной, нравственно-этической линии жизни. Жизнь же вела его, как и многих людей его поколения, через трудные испытания. Александр Ильич мужественно прошел все «проверки на дорогах» и военного, и мирного времени. Свойственные ему сила духа, убежденность, верность внутренним принципам, заложенным в семье, конечно, проявлялись в научной работе. Прослеженная стойкая приверженность А. И. Копанева изучению истории крестьян, и именно северных, имела глубокие корни. Они уводили в XVII в., в ту вятскую волость, социальную жизнь которой он так живо раскрыл. Совершенно ясно, что крестьяне для Александра Ильича не незнакомцы. Его крестьяноведение, возможно, подпитывалось нравственной необходимостью потомка воздать должное представителям когда-то свободно хозяйствовавшего сословия, которое уничтожалось у него на глазах в годы коллективизации.

References

Agrarnaja istorija Severo-Zapada Rossii XVII veka (naselenie, zemlevladenie, zemlepol'zovanie) / Rukovoditel' avtorskogo kollektiva A. L. Shapiro. L., 1989.

Ivina L. I. Monografija A. I. Kopaneva «Istorija zemlevladenija Belozerskogo kraja XV–XVI vv» i ee istoriograficheskoe znachenie // A. I. Kopanev. Sbornik statej i vospominanij. SPb., 1992. S. 14–22.

[46] *Копанев А. И.* Крестьянская община в Подвинье в XVI в. С. 322–327.

[47] *Копанев А. И.* 1) Крестьянство Русского Севера в XVI в. Гл. 5. С. 214–230; 2) Крестьяне Русского Севера в XVII в. Гл. 6. С. 208–226.

[48] *Преображенский А. А.* Историк об историках России XX столетия. С. 163.

Kopanev A. I. Diplomatika pozemel'nyh aktov dvinskih krest'jan XVI v. // VID. Vyp. VI. L., 1974. S. 142–160.

Kopanev A. I. Istorija zemlevladenija Belozerskogo kraja XV–XVI vv. M.; L., 1951.

Kopanev A. I. K voprosu o strukture zemlevladenija na Dvine v XV–XVI vv. // Voprosy agrarnoj istorii. Vologda, 1968. S. 442–462.

Kopanev A. I. Krest'janskaja obshhina v Podvin'e v XVI v. // Agrarnaja istorija i socialisticheskie preobrazovanija severnoj derevni. Vologda, 1973. S. 319–351.

Kopanev A. I. Krest'janskoe zemlevladenie Podvin'ja v XV1 v. // Problemy krest'janskogo zemlevladenija i vnutrennej politiki Rossii. L., 1972. S. 103–137.

Kopanev A. I. Krest'janstvo Russkogo Severa v XVI v. L., 1978.

Kopanev A. I. Kurostrovskaja volost' vo vtoroj polovine XVI v. (Iz istorii podvinskogo krest'janstva) // Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnju semidesjatiletija. Sb. statej. M., 1952. S. 146–156.

Kopanev A. I. Kurostrovskie stolbcy XVI v. // Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 1. S. 398–399.

Kopanev A. I. Ocennaja kniga Kemskoj volosti s volostkami 30-h godov XVII v. // Materialy i soobshhenija po fondam Otdela rukopisnoj i redkoj knigi Biblioteki Akademii nauk SSSR. M.; L., 1966. S. 186–198.

Kopanev A. I. Ocennaja kniga Kemskoj volosti s volostkami kak istochnik jekonomicheskoj istorii pomorskoj derevni XVII v. // Issledovanija po otechestvennomu istochnikovedeniju. M; L., 1964. S. 344–354.

Kopanev A. I. Platezhnaja kniga Dvinskogo uezda 1560 g. // Agrarnaja istorija Evropejskogo Severa SSSR. Vologda, 1970. S. 514–515.

Kopanev A. I. Verevnaja kniga Panilovskoj volosti 1612 g. // Materialy po istorii Evropejskogo severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. III. Vologda, 1973. S. 380–401.

Kopanev G. I. Iz bol'shoj krest'janskoj sem'i: (Vospominanija mladshego brata) // Aleksandr Il'ich Kopanev. Sbornik statej i vospominanij. SPb., 1992. S. 67–82.

Kul'tura srednevekovoj Moskvy: Istoricheskie landshafty. T. 1–3. M., 2004–2005.

Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 2. Vologda, 1972.

Preobrazhenskij A. A. Istorik ob istorikah Rossii XX stoletija. M., 2000.

Rus' v XIII veke: Drevnosti tjomnogo vremeni / Otv. red. N. A. Makarov, A. V. Chernecov. M., 2003.

Shvejkovskaja E. N. Gosudarstvo i krest'jane Rossii: Pomor'e v XVII veke. M., 1997.

Velikij neznakomec: Krest'jane i fermery v sovremennom mire. M., 1992.

Zimin A. A., Kopanev A. I. Materialy po istorii Vymskoj i Vychegodskoj zemli konca XVI v. // Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 1. Vologda, 1970. S. 432–486.

Список литературы

Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989.

Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.

Горская Н. А. Б. Д. Греков. М., 1999.

Ефименко А. Я. Исследования о народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884.

Зимин А. А., Копанев А. И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 432–486.

Ивина Л. И. Монография А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.» и ее историографическое значение // А. И. Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 14–22.

Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973. С. 380–401.

Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. Вып. VI. Л., 1974. С. 142–160.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.

Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 442–462.

Копанев А. И. Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973. С. 319–351.

Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 103–137

Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.

Копанев А. И. Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952. С. 146–156.

Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. С. 398–399.

Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 186–198.

Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 344–354.

Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 514–515.

Копанев Г. И. Из большой крестьянской семьи: (Воспоминания младшего брата) // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 67–82.

Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1–3. М., 2004–2005.

Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000.

Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2003.

Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.

Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997.